

ЮЛИЙ КАПИТОЛИН

МАКСИМ И БАЛЬБИН

Текст приведен по изданию: Властелины Рима, М., Наука, 1992 (Перевод С.П. Кондратьева под редакцией А.И. Доватура, комментарий — А.И. Любжина)

I. (1) После гибели в Африке Гордиана старшего и его сына, когда взбешенный Максимин шел на Рим, чтобы учинить расправу за то, что Гордианы были провозглашены Августами, сенат, преисполненный страха, собрался за семь дней до июньских ид¹, в день игр в честь Аполлона, в храме Согласия², ища способа противодействовать ярости этого подлейшего человека. (2) Два консуляра, выдающиеся мужи Максим и Бальбин (большинство историков умалчивает о Максиме и вместо него вводит имя Пуппиена³, хотя и Дексипп⁴ и Арриан⁵ говорят, что после Гордианов были избраны и противопоставлены Максиминому Максим и Бальбин), из которых один славился своей добротой, а другой — доблестью и строгостью, вошли в курию, причем на их лицах отражался особенный страх по поводу приближения Максимиана. В то время как консул докладывал о разных других делах, тот, кому предстояло высказать первым свое мнение, начал так: (3) "Вы занимаетесь мелочами, и в самое горячее время мы рассуждаем в курии чуть ли не о бабьих делах. (4) Какая нужда говорить о восстановлении храмов, об украшении базилики, о Тициановых термах⁶, о постройке амфитеатра⁷, когда нам грозит Максимин, которого вы перед этим вместе со мной объявили врагом, когда погибли два Гордиана, которые были нашей опорой, и в настоящее время нет никакой защиты, благодаря которой мы могли бы спокойно дышать. Ну же, отцы сенаторы, назначьте новых государей! Что вы медлите? Берегитесь: пока каждый из вас порознь охвачен страхом, вы будете раздавлены, выказывая скорее трусость, нежели доблесть".

II. (1) После этого при общем молчании Максим, который был и старше летами⁸ и

прославлен своими заслугами, доблестью и строгостью, стал высказывать свое мнение, настаивая на том, что следует избрать двух императоров. Тогда Векций Сабин⁹ из рода Ульпиев, испросив у консула разрешение выступить и прервать говорившего, начал так: (2) "Я знаю, отцы сенаторы, что при необычном положении должна появиться такая твердость духа, чтобы решения схватывались на лету, а не отыскивались, больше того — следует воздерживаться от бесконечных речей и высказываний там, где дело не допускает промедления. (3) Пусть каждый из вас позаботится о собственной голове, подумает о своей жене и детях, об отцовских и дедовских состояниях; всему этому грозит Максимин, человек по природе неистовый, дикий, лютый, ставший еще более диким по этой, как ему кажется, — вполне законной причине. (4) Он, располагаясь во всех местах лагерем, устремляется в боевом порядке¹⁰ к Риму, а вы проводите дни в заседаниях и совещаниях. (5) Не нужно длинных речей: надо избрать императора, нет — надо избрать государей, чтобы один ведал внутренними делами, другой — военными, чтобы один оставался в Риме, другой шел с войсками навстречу разбойникам. (6) Я назову государей, вы утвердите их, если вам угодно; если же нет — покажите лучших: (7) Максим и Бальбин, из которых один так велик в военном деле, что блеском своей доблести он возвеличил свой незнатный род, а другой столь славен своим высоким происхождением, что является необходимым для государства ввиду мягкости своего нрава и безупречности своей жизни, которая с детских его лет вся прошла в занятиях науками и литературой. (8) Вот вам, отцы сенаторы, мое мнение, может быть, более опасное для меня, чем для вас, но и для вас не совсем безопасное, если вы не выберете государями либо других лиц, либо этих". (9) После этого раздались единодушные возгласы: "Верно! Справедливо! Мы все согласны с мнением Сабина! (10) Максим и Бальбин Август, да хранят вас боги! Боги сделали вас государями, боги да сохранят вас! Обезопасьте сенат от разбойников, вам мы поручаем войну против разбойников! (11) Да погибнет общественный враг Максимин с сыном, преследуйте общественного врага! Вы счастливы благодаря суждению сената, государство счастливо благодаря вашей власти! (12) Что возложил на вас сенат, выполняйте решительно! Что возложил на вас сенат — охотно примите!"¹¹.

III. (1) При таких и иных возгласах Максим и Бальбин стали императорами. (2) Выйдя из сената, они сначала поднялись на Капитолий и совершили жертвоприношение¹². (3) Затем они созвали народ к роstrам. После их выступления с речью по поводу решения сената и их избрания римский народ вместе с воинами, которые случайно собрались сюда, закричал: "Мы все просим Гордиана в Цезари!". (4) Этот последний был внуком Гордиана — от сына¹³, который был убит в Африке. Многие говорят, что ему шел четырнадцатый год¹⁴. (5) Его тотчас подхватили и, согласно постановлению сената, какого до тех пор не бывало (так как в тот же день уже ранее было вынесено постановление сената), ввели в курию и провозгласили Цезарем.

IV. (1) Первым предложением государей было — провозгласить двоих Гордианов божественными. (2) Некоторые, однако, считают, что провозглашен был один, именно старший, но я помню, что в книгах, которые с достаточными подробностями написал Юний Корд, я читал о причислении их обоих к богам; (3) ведь если старший окончил жизнь, удавившись в петле, то младший погиб на войне, так что он, во всяком случае,

заслуживает большего уважения, так как его унесла война. (4) После этих предложений должность префекта Рима была возложена на Сабина, человека серьезного, чьи нравы соответствовали нравам Максима, а должность префекта претория — на Пинария Валента. (6) Но мне хочется — прежде чем говорить об их деяниях — кратко сказать об их нравах и происхождении, но сказать не так, как это со всеми подробностями изложил Юний Корд, а так, как это делали Светоний Транквилл и Валерий Марцеллин; с другой стороны, Курий Фортунациан, написавший историю всего этого времени, коснулся лишь немногих вопросов, зато Корд — столь многих, что зачастую описывал множество ничтожных и низких вещей.

V. (1) Отцом Максима был Максим, простолюдин, по словам некоторых — кузнец, по словам других — тележный мастер. (2) Максим родился у него от его жены по имени Прима. У Максима было четверо братьев — мальчиков и четыре сестры — девочки; все они погибли прежде возмужания¹⁵. (3) Когда родился Максим, орел, говорят, бросил большой кусок говядины в их каморку, имевшую в потолке узкое отверстие; так как этот кусок мяса лежал и никто из религиозного страха не решался прикоснуться к нему, орел опять поднял его и отнес в ближайшее святилище, посвященное Юпитеру Хранителю. (4) В то время в этом не усмотрели знамения, но доказательством тому, что это случилось не без основания, служило провозглашение его императором. (5) Все свое детство он провел в доме своего дяди Пинария, которого он, став императором, немедленно повысил, назначив его префектом претория. (6) У грамматика и ритора он занимался недолго, зато всегда вырабатывал в себе воинскую доблесть и суровость. (7) Он был военным трибуном, командовал многими воинскими подразделениями, а потом исполнял должность претора, пользуясь средствами Песценнии Марцеллины¹⁶, которая приняла его к себе и воспитала как сына. (8) Затем он был проконсулом Вифинии, вслед затем — Греции, а в третий раз — Нарбоны. (9) Кроме того, посланный в качестве легата, он разбил в Иллирике сарматов, а переведенный оттуда на Рейн довольно счастливо вел дело против германцев. (10) После этого он заслужил одобрение как самый благоразумный, способный и строгий префект Рима¹⁷. (11) На основании всего этого сенат, несмотря на то, что это было непозволительно, вручил ему, человеку незнатного рода, императорскую власть как нечто заслуженное, причем все признавали, что в то время в сенате не было человека более подходящего, кому подобало бы принять звание государя.

VI. (1) Ввиду того, что многие желают знать даже мелкие подробности, я скажу, что он был жаден до еды, очень умерен в употреблении вина, чрезвычайно редко прибегал к утехам Венеры, в своей домашней и общественной жизни всегда отличался суровостью, так что даже заслужил прозвание угрюмого. (2) Выражение его лица было серьезное и брюзгливое; ростом он был высок, телом — очень здоров, нрав имел надменный, но был справедлив и никогда не бывал до конца жестоким и немилостивым. (3) Когда его просили, он всегда прощал и гневался только в тех случаях, когда действительно следовало гневаться. (4) Он никогда не участвовал в интригах, был тверд в своих суждениях и не верил больше другим, чем самому себе. (5) Поэтому и сенат очень любил его, и народ боялся его — тем более что народ знал, какую требовательность проявлял он в бытность свою префектом, и понимал, что, став императором, он может быть еще

строже.

VII. (1) Бальбин был очень знатного рода, дважды был консулом, был правителем бесконечного числа провинций. (2) В качестве гражданского администратора он управлял Азией, Африкой, Вифинией, Галатией, Понтом, Фракиями и Галлиями, иногда командовал войском¹⁸, но в делах военных отличался менее, чем в гражданских; однако своей добротой, полной безупречностью и порядочностью он снискал себе огромную любовь. (3) По его словам, он принадлежал к очень древней фамилии и вел свое происхождение от Бальба Корнелия Теофана¹⁹, который получил право гражданства благодаря Гнею Помпею, так как у себя на родине он принадлежал к высшей знати и был историком. (4) Роста он был также высокого, собою был видным, отличался чрезмерной склонностью к наслаждениям. Ему помогало его огромное богатство: он и благодаря своим предкам был богат, и сам многое собрал путем наследования. (5) Он славился своим красноречием и выделялся благодаря своему дарованию среди поэтов своего времени²⁰. (6) Он был жаден до вина, еды и утех Венеры, одевался изящно; у него не было недостатка в качествах, делавших его желанным в глазах народа. Был он любезен и сенату. (7) Вот что мы узнали о жизни того и другого. Наконец, некоторые считали, что их следует сопоставить друг с другом так, как Саллюстий²¹ сопоставляет Катона и Цезаря: один из них был строг, другой — милостив; один — добр, другой — непреклонен; один ни в чем не проявлял щедрости, другой в изобилии владел всякими средствами.

VIII. (1) Вот все, что касается их нравов и происхождения. Итак, после того так им были назначены все императорские почести и знаки отличия²², после того как они получили трибунские полномочия, проконсульские права, достоинство великого понтифика, а также прозвание отца отечества, они вступили во власть. (2) В то время как они совершали жертвоприношение на Капитолии, римский народ высказался против вручения императорской власти Максиму. Простые люди боялись его строгости, которую они считали в высшей степени приятной сенату и в высшей степени враждебной себе. (3) Вследствие этого они, как мы сказали, потребовали провозглашения государем юного Гордиана, который немедленно и стал государем. Народ позволил им пройти на Палатин в сопровождении вооруженной свиты не раньше, чем они нарекли внука Гордиана именем Цезаря²³. (4) После всего этого были совершены священнодействия, даны народу театральные представления и цирковые игры и устроены гладиаторские бои, и Максим — после произнесенных на Капитолии обетов — был отправлен на войну против Максимиана с огромным войском; преторианцы, однако, остались в Риме. (5) Следует вкратце сказать о том, откуда повелся обычай²⁴, чтобы отправляющиеся на войну императоры устраивали гладиаторские бои и охоты. (6) Многие говорят, что древние приносили такую жертву против врагов для того, чтобы кровью граждан, пролитой в своего рода битвах, насытилась Немезида, то есть некая сила Судьбы²⁵. (7) Другие же в своих сочинениях передают — и я считаю это более правдоподобным, что готовившиеся идти на войну римляне должны были видеть битвы, раны, оружие и обнаженных людей, нападающих друг на друга, — чтобы на войне не бояться вооруженных врагов и не приходить в ужас от ран и крови.

IX. (1) После отправления Максима на войну в Риме оставались преторианцы²⁶. (2) Между ними и народом возникли такие раздоры, что дело дошло до внутренней войны, большая часть города Рима была сожжена, храмы осквернены, все улицы залиты кровью, так как Бальбин, человек очень мягкий, не мог прекратить раздоров. (3) Он вышел к народу, протягивая руку каждому в отдельности, и его чуть было не ударили камнем, а некоторые говорят даже, что его ударили палкой. (4) Ему не удалось бы прекратить беспорядки, если бы он не вывел к народу одетого в пурпур малолетнего Гордиана²⁷, посадив его на шею очень высокого человека. Увидав его, народ и воины до такой степени умилились, что из любви к нему помирились между собой. (5) Никогда никто в таком возрасте не был так любим, как он — за заслуги деда и дяди, которые положили свою жизнь в Африке за римский народ, борясь против Максимиана. Так сильно у римлян воспоминание о добрых делах²⁸.

X. (1) Итак, после отправления Максима на войну сенат разослал по всем областям консуляров, бывших преторов, бывших квесторов, бывших эдилов, а также бывших трибунов — с целью побудить каждую городскую общину заготавливать хлеб, оружие, средства защиты и позаботиться о стенах, для того чтобы Максимин истощал свои силы под каждым отдельным городом. (2) Было тогда же приказано все добро с полей собирать в города, чтобы общественный враг не мог ничего найти. (3) Кроме того, во все провинции были посланы тайные агенты и был дан письменный приказ считать врагом всякого, кто будет помогать Максимиану. (4) Между тем в Риме вторично возникли раздоры между народом и воинами²⁹. (5) Бальбин издал тысячу декретов³⁰, никто не слушал его; ветераны удалились в преторианский лагерь, вместе с самими преторианцами, а народ начал осаждать их. (6) Они никогда не согласились бы на примирение, если бы народ не перерезал водопроводные трубы³¹. (7) Однако в городе, прежде чем было сообщено, что туда идут умиротворенные воины, были сорваны с крыш черепицы, и весь бывший в домах скарб выброшен наружу. (8) Таким образом погибла большая часть города и богатства многих людей. Дело в том, что к воинам присоединились с целью грабежа разбойники, знавшие где что можно найти.

XI. (1) В то время как все это происходило в Риме, Максим, или Пуппиен, в Равенне готовился — с огромным снаряжением — к войне, испытывая сильнейший страх перед Максимианом, по поводу которого он очень часто говорил, что ведет войну не с человеком, а с циклопом. (2) Но под Аквилеей³² Максимин потерпел сильную неудачу и был убит своими же³³, головы его и его сына были принесены в Равенну, а оттуда отосланы Максимом в Рим. (3) В этом месте не следует умолчать о преданности аквилейцев римлянам: говорят, они даже использовали волосы женщин в качестве тетив для пускания стрел. (4) Как только была принесена голова Максимиана, Бальбин, который испытывал еще больший страх, обрадовался настолько, что немедленно заклал гекатомбу³⁴. (5) Гекатомбой называется такое жертвоприношение: устраивают в одном месте сто дерновых алтарей и перед ними происходит заклятие ста свиней и ста овец. (6) Если это жертвоприношение совершает император, то убивают сто львов, сто орлов и других подобного рода животных по сто штук. (7) Говорят, что это делали и греки, когда они страдали от моровой язвы; известно, что такое жертвоприношение совершали многие императоры.

XII. (1) Закончив все это, Бальбин с величайшей радостью стал ждать Максима, возвращавшегося из Равеннской области с невредимым войском и силами — (2) ввиду того, что Максимин был побежден жителями Аквилеи и небольшим количеством бывших там воинов под начальством посланных сенатом консуляров Криспина³⁵ и Менофила³⁶. (3) Сам Максим подошел к Аквилее для того, чтобы оставить в безопасности и неприкосновенности все эти места вплоть до Альп³⁷ и обезвредить всякие остатки варварских отрядов, которые стояли на стороне Максимиана. (4) Наконец, к Максиму было отправлено в качестве послов двадцать сенаторов³⁸ — их имена названы у Корда (в их числе было четверо консуляров, восемь бывших преторов и восемь бывших квесторов) — с венками и постановлением сената, в котором ему назначались конные золоченые статуи. (5) Этим постановлением был несколько недоволен Бальбин, который говорил, что Максим потрудился меньше, чем он: ведь сам он прекратил дома столь крупные распри, а Максим сидел в бездействии в Равенне. (6) Но такова сила желания, что Максиму уже за одно то, что он отправился против Максимиана, была приписана и самая победа, хотя в то время, как она была одержана, он ничего еще не знал о ней. (7) Итак, взяв с собой войско Максимиана, Максим прибыл в Рим с необыкновенной пышностью и огромным количеством людей, причем воины печалились о том, что они потеряли того императора, которого сами выбрали, а имеют тех, которых избрал сенат. (8) И этой печали нельзя было скрыть: она ясно была написана на лицах отдельных людей; да и в речах их уже не было сдержанности, хотя Максим часто говорил перед воинами, что следует забыть все прошлое, роздал большое жалование и отослал вспомогательные войска в те места, какие они сами выбрали. (9) Но нет возможности держать в узде воинов, если их души полны ненависти. Услыхав возмущившие их возгласы сената, воины еще больше озлобились против Максима и Бальбина и стали ежедневно обдумывать между собой, кого бы им объявить императором.

XIII. (1) Вот какой вид имело постановление сената, вызвавшее негодование воинов. Когда — при вступлении Максима в Рим — навстречу ему вышли Бальбин, Гордиан, римский сенат и народ, сначала раздавались общие возгласы, которые не затрагивали воинов. (2) Затем пошли в сенат, где после того, что обычно бывает во время празднеств, — было сказано: "Так действуют разумно избранные государи, а государи, избранные неразумными, так погибают"; — а ведь было известно, что Максимиана сделали императором воины, Бальбина же и Максима — сенаторы. (3) Услышав об этом, воины стали негодовать еще сильнее, преимущественно против сената, который, казалось, справил свой триумф над воинами. (4) Бальбин с Максимом на радость римскому сенату и народу очень разумно управляли городом³⁹: сенату оказывалось очень большое уважение; они издавали превосходные законы, терпеливо выслушивали тяжбы, внесли отменный порядок во все то, что относится к военному делу. (5) Все уже было готово для того, чтобы Максим отправился против парфян⁴⁰, Бальбин — против германцев, а юный Гордиан оставался в Риме⁴¹, воины же, искавшие удобного случая убить государей, не находя его на первых порах, так как германцы сопровождали Максима и Бальбина, — все больше приходили в ярость.

XIV. (1) Были несогласия⁴² между Максимом и Бальбином, но скрытые, о которых можно

было скорее догадываться, чем видеть их. Дело в том, что Бальбин презирал Максима как человека незнатного, а Максим третировал Бальбина как человека слабого. (2) Благодаря этому воинам представился удобный случай: они понимали, что можно легко убить несогласных между собой императоров. Наконец, во время театральных представлений, когда много воинов и придворных было занято, и в Палатинском дворце остались одни государи с германцами, воины произвели на них нападение⁴³. (3) В то время как воины производили такое смятение и Максиму дано было знать, что от их буйной толпы едва ли можно спастись, если не вызвать германцев, а германцы случайно были с Бальбином в другой части Палатинского дворца, Максим посылает к Бальбину людей с просьбой прислать ему охрану. (4) Тот, однако, подозревая, что Максим просит их с целью направить их против него, Бальбина, так как он думал, что Максим стремится к единовластию, сначала заставил его ждать, затем дело дошло до столкновения между ними. (5) Пока они — во время этого мятежа — препирались друг с другом, появились воины, сорвали с них царские одежды, вывели их с оскорблениями из Палатинского дворца и хотели потащить их, почти совсем растерзанных, по городу в лагерь. (6) Узнав о том, что подходят германцы с целью защитить императоров, воины убили их обоих и бросили на полпути. (7) Между тем Цезарь Гордиан, поднятый на руки воинами, был провозглашен ими императором, то есть Августом, так как никого другого в данное время у них не было; при этом воины издевались над сенатом и народом и немедленно удалились в свой лагерь. (8) Германцы же, чтобы не сражаться без всякого повода, так как их императоры были убиты, ушли за город, где находились их товарищи.

XV. (1) Таков был конец хороших императоров⁴⁴, недостойный как их жизни, так и нравов: ведь не было никого более храброго, чем Максим, или Пуппиен, ни более ласкового, чем Бальбин, что можно было понять из хода самого дела: ведь сенат, имея возможность выбирать, не выбрал бы плохих. (2) К этому присоединяется еще и то, что они прошли испытание, занимая много должностей, соединенных с почетом и властью: один из них был два раза консулом и префектом Рима, другой — два раза консулом⁴⁵ и префектом, императорами они стали, имея много лет от роду, были любезны сенату, а также народу, которые, однако, слегка уже побаивались Максима. (3) Такие сведения мы собрали относительно Максима, главным образом — из произведений греческого писателя Геродиана. (4) Многие, однако, говорят, что у Аквилеи Максимин был побежден не Максимом, а императором Пуппиеном и что последний был убит вместе с Бальбином, так что они опускают имя Максима. (5) И таково невежество или недобросовестность этих спорящих между собой историков, что многим хочется, чтобы Максимом назывался тот же, который назывался и Пуппиеном, хотя Геродиан, описавший современные ему события, называет его Максимом, а не Пуппиеном, да и греческий писатель Дексипп говорит, что после двоих Гордианов императорами были избраны и противопоставлены Максимину Максим и Бальбин и что Максимин был побежден Максимом, а не Пуппиеном. (6) К тому же писатели проявляют невежество, говоря о том, что мальчик Гордиан был префектом претория⁴⁶: многие не знают, что Гордиана часто носили на шее, чтобы показать воинам. (7) Максим и Бальбин были императорами один год⁴⁷, тогда как Максимин с сыном были императорами, по словам некоторых, три года, а по словам других — два года⁴⁸.

XVI. (1) Еще и теперь показывают в Риме дом Бальбина на Каринах⁴⁹, огромный и внушительный, который и до сих пор является собственностью его семьи. (2) Максим, которого большинство считает Пуппиеном, был человеком совсем неимущим, но в высшей степени доблестным. (3) При них карпы сражались против мезийцев, началась война со скифами⁵⁰, произошел в это время и разгром Истрии, или, как говорит Дексипп, Истрийской общины. (4) Дексипп очень хвалит Бальбина и говорит, что он смело вышел навстречу воинам и был убит, доказав, что он не боялся смерти; он говорит о нем, что он был обучен всяким наукам. О Максиме же он говорит, что это был совсем не такой человек, каким его описало большинство греческих писателей. (5) Кроме того, он добавляет, что ненависть аквилейцев к Максиминому была столь велика, что они сделали тетивы для своих луков из волос своих женщин и так пускали стрелы. (6) Дексипп и Геродиан, которые изложили эту историю государей, говорят, что Максим и Бальбин были государями, избранными сенатом и противопоставленными Максиминому после гибели в Африке двоих Гордианов и что вместе с ними был выбран мальчик Гордиан. (7) Но у большинства римских писателей я не нахожу имени Максима, а вместе с Бальбином встречаю императора Пуппиена; говорят даже, будто этот же Пуппиен сражался с Максимином у Аквилеи, причем упомянутые историки утверждают, что Максим и не сражался с Максимином, а сидел в Равенне и там услышал об одержанной победе; как мне кажется, Пуппиен — тот же, кого называют Максимом.

XVII. (1) Ради этого я присоединил сюда еще благодарственное письмо⁵¹, написанное консулом того времени о Пуппиене и Бальбине, в котором он выражает радость по поводу того, что они — после бесчестных разбойников — восстановили государственный строй: (2) "Пуппиену и Бальбину Августам Клавдий Юлиан. Как только я узнал, что по решению Юпитера всеблагого и величайшего, бессмертных богов и сената и с согласия всего рода человеческого вы приняли власть над государством для спасения его от преступления безбожного разбойника и для управления им согласно римским законам, безупречнейшие владыки и непобедимые Августы, то, хотя я узнал об этом не из божественных писем, а из сенатского постановления, которое переслал мне мой сотоварищ светлейший Цельз Элиан, я поздравил город Рим, на благо которого вы избраны, поздравил сенат, бывшее достоинство которого вы восстановили в награду за высказанное им относительно вас осуждение, поздравил Италию, которую вы мощно защитили от опустошения врагами, поздравил провинции, которые были растерзаны ненасытной жадностью тиранов и которым вы вернули надежду на спасение, поздравил, наконец, самые легионы и вспомогательные войска, которые повсеместно на земле почитают ваши образы за то, что они избавились от прежнего позора и теперь в вашем лице обрели достойный облик римских государей. (3) Ввиду этого никогда не было голоса столь могучего, речи столь удачной, дарования столь плодотворного, чтобы быть в состоянии выразить достойным образом общее счастье. (4) Сколь велико оно и каково оно — мы могли понять по первым шагам вашего правления: ведь вы вернули нам римские законы, упраздненную справедливость и милосердие, которое было совершенно уничтожено, жизнь, нравы, свободу и надежду на преемственность и наследников. (5) Все это и перечислить трудно, не говоря уже о том, чтобы изложить — шаг за шагом в выражениях соответствующего достоинства. (6) Ведь то, что вы возвратили нам жизнь, на которую посягал этот преступный разбойник, распустив по всем провинциям своих

палачей, открыто заявляя о своем гневе против блистательного сословия, — как могу я это выразить или подробно изложить? (7) Тем более что — ввиду своей посредственности — я не могу не только выразить чувство общего счастья, но даже и собственную радость моей души, когда я вижу перед собой тех Августов и государей рода человеческого, от которых, как от моих старинных цензоров, я до сих пор желал получить выражаемое постоянным уважением одобрение моим нравам и скромности; хотя то и другое, надеюсь, удостоверено в свидетельствах прежних государей, однако вашими суждениями я гордился бы как имеющими большое значение. (8) Боги пусть доставят и в будущем будут доставлять такое счастье римскому миру. Ведь глядя на вас, я могу желать только того, о чем молил богов победитель Карфагена⁵², именно — чтобы они сохранили государство в том состоянии, в каком оно было тогда, так как другого, лучшего, нельзя было найти. (9) Так и я молю, чтобы они сохранили вам государство в том состоянии, в какое вы привели его, когда положение его было еще шатким".

XVIII. (1) Это письмо доказывает, что Пуппиен и есть тот, кого большинство называет Максимом. (2) В рассказах об этих временах у греков нелегко найти имя Пуппиена, а у римлян — имя Максима, и то, что было совершенно против Максимиана, считается то делом Пуппиена, то делом Максима.

SCRIPTORES HISTORIAE AUGUSTAE

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 7 июня 238 г. Однако эта дата не совпадает с Аполлоновыми играми, которые проводились с 6 по 13 июля. Возможно, имеются в виду июльские иды; тогда речь идет о 9 июля.
2. По Геродиану (7.10.2), заседание сената состоялось в храме Юпитера Всеблагого Величайшего на Капитолии.
3. См. прим. 61 к Максимин. XXIV.5.
4. См. прим. 156 к Алекс. XLIX.3.
5. См. прим. 71 к Максимин. XXXIII.3; Брокс читает: Herodianus.
6. Построены Титом непосредственно к северу от Колизея, на юго-западном склоне Оппиевой горы.
7. Имеется в виду амфитеатр Флавиев, т.е. Колизей.
8. Максим родился около 164 г., Бальбин — в 178г.
9. Идентификация затруднительна; возможно, упомянутый ниже ([IV.4](#)) и у Геродиана (7.7.4) префект города 238 г.
10. Предбоевое построение, при котором путем несложного маневра можно развернуться фронтом в любую сторону, вероятно, напоминающее каре (agmine quadrato).
11. Весь протокол вымышлен.

12. Это совершалось при вступлении на престол.
13. Ср. Горд. XXII.4; XXX.8.
14. Ср. Горд. XXII.4; XXX.8.
15. Сообщение о родителях, братьях и сестрах Максима не подтверждено более никакими источниками.
16. Более нигде не упомянута.
17. Геродиан подтверждает лишь пребывание в обеих германских провинциях (8.6.6; 8.7.8) и городскую префектуру (7.10.4; 8.8.4). Эпиграфически подтверждена также должность проконсула в Азии (вероятно, в 222-234 гг.).
18. Геродиан (7.10.4) упоминает лишь о том, что Бальбин безупречно управлял провинциями. Подробный послужной список в Ист. Авг. стоит особняком. Поэтому, вероятно, его следует рассматривать как вымышленную конкретизацию краткой реплики Геродиана.
19. Приведенное имя Бальб Корнелий Теофан образовано из двух имен политиков республиканской эпохи, а именно, Гнея Помпея Теофана из Митилены, историка, советника Помпея, и Луция Корнелия Бальба из Гадеса, доверенного лица и советника Цезаря.
20. О риторических и литературных способностях Бальбина сообщает только Ист. Авг.; ее автор охотно приписывает эти качества идеальному правителю.
21. *Саллюстий*. О заговоре Катилины. 54.
22. Ср. *Геродиан*. 7.10.5.
23. Ср. *Геродиан*. 7.10.5-9.
24. Об этом обычае упоминается только в Ист. Авг. Кроме этого места см. Септ. Сев. XIV.11. Справедливость сообщения, таким образом, сомнительна, тем более что под вопросом и приведенное толкование обычая.
25. Нелепое сообщение, и автор с полным основанием сам ставит его под сомнение. Связывать Немезиду и кровь, пролитую в гладиаторских играх, с обычаем *devotio* неправомерно.
26. По Геродиану (7.11-12.7) описанные в Ист. Авг. столкновения между населением

Рима и преторианцами сразу же после отъезда Максима на войну против Максимиана продолжились, не прерываясь. Неточно и само выражение "преторианцы". У Геродиана речь идет лишь о ветеранах гвардии. Основная ее часть сопровождала Александра Севера в походе против германцев и в этот момент находилась при Максимиане.

27. Эта сцена относится к началу мятежа. Ср. *Геродиан*. 7.10.6-9. Неправильная расстановка объясняет также противоречие между IX.2 и IX.4, где в первом случае речь идет о неспособности Бальбина справиться с неурядицами, а во втором — о противоположном.

28. Субъективное добавление автора к сообщению Геродиана.

29. На самом деле эти неурядицы не прекращались после прихода Максима и Бальбина к власти.

30. Ср. *Геродиан*. 7.12.2; речь идет об эдикте, которым Бальбин призвал противоборствующие стороны к примирению. Автор жизнеописания делает из этого сообщения "тысячу декретов".

31. Ср. *Геродиан*. 7.12.3 сл. По его версии прекращение подачи воды не только не склонило солдат к уступкам, но и побудило их провести энергичную вылазку против осаждавших, в которой те проиграли.

32. Осаду Аквилеи войсками Максимиана и успешную защиту ее жителей под началом консуляров Криспина и Менофила подробно описывает Геродиан (8.2.3-5.7).

33. Ср. Максимиан. XXIII.6 и *Геродиан*. 8.5.8-9.

34. Это подтверждает Геродиан (8.6.8).

35. Из надписей того времени известны два Криспина: Луций Лорений Криспин, глава коллегии арвальских братьев в 231 г. и дополнительный консул до 244 г., и Луций Бруттий Криспин, консул в 244 г.; оба они могли защищать Аквилею.

36. Туллий Менофил был, вероятно, за свои действия при защите Аквилеи назначен при Гордиане III наместником Нижней Мезии до 241-242 гг.

37. Ср. *Геродиан*. 8.7.1.

38. Геродиан (8.7.2) говорит в этом случае о посланниках из всех городов Италии.

39. Ср. *Геродиан*. 8.8.1.

40. Имеются в виду персы.
41. Геродиан ничего не сообщает о таком распределении обязанностей.
42. Ср. *Геродиан*. 8.8.4.
43. Точно датировать покушение не представляется возможным. Оно произошло, вероятно, в конце июня — начале июля, но во всяком случае до 29 августа 238 г.
44. Ср. *Геродиан*. 8.8.8.
45. В 213 г. вместе с цезарем Каракаллом.
46. Префектом претория при Максиме и Бальбине был Пинарий Валент; ср. [Макс. Бальб. IV.4](#); [V.5](#).
47. По "Хронографу 354 года" они правили только 99 дней.
48. "Хронограф 354 года" называет следующий срок: три года, четыре месяца, два дня (т.е. примерно с января-февраля 235 г. по апрель-май 238 г.).
49. Карины — западное окончание южного склона Эсквилинского холма. Этот дом более нигде не упомянут.
50. Имеется в виду вторжение готов в Мезию через Дунай в 238 г.
51. Вне сомнения вымышленное.
52. Сципион Африканский Младший.